

Чуньян даже не пыталась скрыть презрения, стоило ей заговорить о расписных прогулочных лодках на озере Цинпин. И дело было не только в праздной нелепости этой затеи — здесь крылся давний подтекст.

Прославленные мудрецы уединились на горе Цинпин и открыли свою академию от силы лет пятнадцать назад. А вот Празднику прогулочных лодок, когда в ночь на Праздник фонарей темная гладь озера расцветала огнями, отражая лики красавиц, было без малого сто лет.

Тем не менее владельцы озерных судов ловко воспользовались своим положением и прибрали к рукам все торжество, превратив озеро Цинпин в собственную вотчину.

Рано или поздно две стороны должны были сойтись в противостоянии.

Для лодочников этот праздник был как кость в горле — ежегодный удар по их доходам. Для заведений же из Переулка Цветов и Ив на юге города Праздник прогулочных лодок оставался главным событием года. Это была лучшая возможность помериться силами, заявить о себе и упрочить свое положение на рынке утех.

Чуньян усмехнулась:

— Не зря говорят: два медведя в одной берлоге не уживутся. Пирог один, а урвать кусок пожирнее хочется каждому. Вот и крутится всяк как умеет. Да и кто в здравом уме откажется от звонкой монеты?

Она ненадолго задумалась и продолжила:

— Сложится все или пойдет прахом — зависит от того, как наши девочки покажут себя на помосте. По правилам праздника, воспитанница любого заведения может подняться на эту сцену лишь раз в жизни. Второго шанса судьба не дает.

Откинувшись на спинку кресла, она протянула:

— Обосноваться в уезде Цзю непросто. Ни Башне Весенней реки, ни ее девицам поблажек никто не делает. Но если наши красавицы пустят здесь корни, то и положение самого заведения станет нерушимым. А когда окрепнет Башня Весенней реки, у девиц появится право голоса. И если со временем они решат уйти, то смогут рассчитывать на долю куда лучшую, чем у прочих.

Чуньян сделала глоток из стоявшей под рукой пиалы, чтобы промочить горло, и подняла глаза на Сы Вэя:

— Мы боремся не за пустое звание, а за славу, которая станет для них путевкой в жизнь. В этом году на праздник я заявляю троих: Сюэсу, Чуян и Минцзя.

Сы Вэй молча слушал, запоминая имена.

Выступление Чуюн сегодня шло прямо перед Цзиньли. Сы Вэй успел посмотреть его лишь краем глаза, но запомнил и ее яркую внешность, и своеобразную манеру танца. А вот о Сюэсу и Минцзя он пока не знал ничего.

Поставив чашку на столик, хозяйка продолжила:

— Праздник еще не начался, так что у тебя есть время обсудить с ними все тонкости. Сверхзадач не ставлю: просто сделай то же, что сегодня для Цзиньли. Направь на них свет, помоги им затмить остальных на озерном помосте.

Сы Вэй кивнул, лихорадочно соображая. В этом мире, обделенном электричеством, приходилось довольствоваться масляными светильниками и восковыми свечами. Их тусклое пламя едва ли могло соперничать даже со слабыми ночниками из его прошлой жизни. Одно дело — осветить крошечную комнатку, и совсем другое — залить светом просторную залу.

Замкнутое пространство отражает и концентрирует лучи, но в огромном помещении вроде главного зала Башни Весенней реки свет просто рассеивается. Чтобы добиться подобия современного прожектора, Сы Вэю пришлось выстроить целую систему из десятков светильников, высчитывая углы преломления и направляя световые потоки вручную. И все равно этот результат уступал копеечной китайской лампе, купленной когда-то на блошином рынке. А сил и приспособлений на это ушло немерено.

Но что ждет его на озере?

Сы Вэй почувствовал ноющую боль в челюсти от предчувствия неминуемых трудностей. Посмотрев на расслабленную Чуньнян, он спросил:

— А как устроен помост на самом празднике?

Вопрос хозяйку не удивил.

— Под сцену отводят огромную плоскодонную баржу, — охотно пояснила она. — На первом ярусе размещаются гости, а верхняя палуба служит сценой для девочек. Наше судно — самое просторное в уезде: больше тридцати метров в ширину и под шестьдесят в длину. Мало кто в уезде Цзю может похвастаться подобным размахом. Но само озеро Цинпин огромно, в праздничную ночь туда выходят сотни лодок. Вода рябит, огни мерцают, однако рассеять эту крошечную тьму они не могут. Чуть отплывешь подальше — и уже не разберешь, писаная ли красавица стоит на палубе или речной призрак.

"Так я и думал", — мысленно вздохнул Сы Вэй.

Если в стенах Башни Весенней реки укротить свет стоило колоссальных трудов, то на открытой всем ветрам озерной глади задача становилась почти невыполнимой.

Он тихонько присвистнул:

— Затея, признаться, отчаянная.

— Было бы просто — я бы к тебе не обращалась, — резонно возразила Чуньян.

Вздыхнув, она потянулась к столу, выудила из шкатулки три увесистых серебряных слитка и один за другим бросила Сы Вэю. Тот едва успел их поймать.

— Нужны люди — бери людей. Понадобятся материалы — достану. Вот тебе тридцать лянов серебра. Ровно столько, сколько ты запросил у Цзиньли. Считай это платой вперед. А за сегодняшнее выступление деньги пойдут в счет долга за лекарства для твоей матушки. На большее пока не рассчитывай. Сегодня канун Нового года, завтра — первый день весны. По обычаю все расходятся: кто предков поминать, кто с родней праздновать. Башня Весенней реки закрывается на один-единственный день в году. Так что ступай домой, проведи праздник с матерью в покое. А пятого числа возвращайся, и мы обсудим, как нам быть с Праздником прогулочных лодок.

Хозяйка махнула рукой, давая понять, что разговор окончен, и углубилась в лежащий перед ней грессбук.

— Я предупредила служителя борделя, на рассвете он откроет тебе боковую калитку. Иди напрямик домой. А серебро найди где порезать на мелкие кусочки да спрячь понадежнее под одежду. Не вздумай светить монетами на дороге, не то оберут до нитки — наплачешься потом.

Сы Вэй лишь молча покачал головой.

Раз уж дело решенное, а деньги уже грели ладонь, отказываться от них глупо — тем более работа предстояла по его части. К тому же Чуньян умела вить веревки из людей, напоминая о долгах, и выбора ему просто не оставила.

"Что ж, сменить ремесло фотографа на должность театрального осветителя — не худший расклад", — подумал он. Это куда реальнее, чем пытаться собрать фотоаппарат из палок и глины в средневековом захолустье. Основы оптики везде одинаковы, пускай даже здесь вместо софитов приходится использовать площадки со свиным жиром.

Прикинув вес серебра, Сы Вэй посмотрел на хозяйку, которая уже полностью погрузилась в расчеты. Он взял со столика красный шелковый лоскут, обернул слитки, вежливо попрощался и покинул покой.

Он шел по знакомым переходам в сторону дальнего сада, но теперь его путь лежал не к Павильону Туманов.

Цзиньли уехала, и когда он в следующий раз ступит на извилистый мостик над прудом и поднимется к изящной беседке с резными перилами, у этого места наверняка будет другое имя и новая хозяйка.

Как там сейчас устроилась Цзиньли? И как поживает госпожа Ю, оставшись совсем одна в опустевшем доме в деревне Линьвань?

Обернувшись, Сы Вэй бросил прощальный взгляд на сияющую огнями залу, свернул за угол и мгновенно погрузился во мрак узкого прохода, ведущего к каморкам прислуги.

В его комнате все оставалось нетронутым. Цинлу уехала вместе с госпожой, и ее постель лежала незаправленной, как и ранним утром. Другие служанки, должно быть, еще сутились у своих хозяек, так что в тесной каморке Сы Вэй оказался один.

Притворив дверь, он на ощупь зажег масляный светильник. Тусклый желтоватый огонек разогнал тьму, породив по углам длинные дрожащие тени. На сундуке у стены он нашел плетеную корзинку для рукоделия, на дне которой валялись старые, безнадежно затупившиеся ножницы. Должно быть, прислуге не доверяли острых предметов, опасаясь несчастных случаев, так что этот инструмент годился разве что нитку при шитье перерезать.

Сцепив зубы, Сы Вэй принялся кромсать слитки на мелкие куски. К тому времени как он управился со всеми тремя, с него сошло семь потов. Лезвия ножниц мало того что затупились, так еще и расходились посередине почти на пол-ногтя — металл скорее мялся, чем резался.

Ссыпав получившиеся кусочки вместе с теми, что ранее дала Цзиньли, он тщательно пересчитал богатство. Затем достал старую поношенную душегрейку, в которой пришел в город, осторожно подпорол внутренний шов и спрятал монеты глубоко в ватную подкладку. Тщательно разгладил пальцами комки, чтобы снаружи ничего не топорщилось.

Положив куртку под голову вместо подушки, он забрался под одеяло и задернул полог. Завтра на рассвете, едва откроются городские ворота, ему предстоял долгий путь пешком до деревни — без малого четыре часа ходьбы. Нужно было выспаться и набраться сил.

Однако сон не шел. Сы Вэй ворочался с боку на бок, то и дело нащупывая сквозь ткань жесткие кусочки металла.

Ведь он шел сюда на свой страх и риск, надеясь лишь на удачу. Напросился к Цзиньли в помощники, а плату в десять лянов назначил наобум — решив, что этого как раз хватит на лекарей для госпожи Ю и скромную жизнь на первое время.

А теперь у него в руках было сорок лянов. Сорок! Целое состояние для деревенского жителя. За все годы, что он возился с курами, а госпожа Ю, не разгибая спины, расшивала шелка на продажу, им едва удавалось скопить три-четыре десятка мелких монет. И тут — сорок лянов серебра...

Сы Вэй глубоко вздохнул, пытаясь унять глупую, рвущуюся наружу улыбку. "Не теряй головы", — твердил он себе. Башня Весенней реки — опасное гнездо, а Чуньян своего не упустит. И все же... сорок лянов!

Он резко сел на постели, взъерошил волосы и обхватил голову руками, тщетно пытаясь сдержать ликующий смех.

"Сдаюсь! Слышишь, сдаюсь! Сорок лянов серебра — и ты уже прыгаешь как мальчишка, глаз сомкнуть не можешь! Эх, Сы Вэй, ну и дешево же ты стоишь..."

<http://bllate.org/book/18280/1765719>